

Захар Давыдов

ЖЕНЯ

Так звали его почти все. И младшие, и старшие. Располагала к этому улыбка Жени, открытая и одновременно слегка смущенная.

Познакомил нас Лев Мнухин, в Киеве, на одном из вечеров, посвященным памяти Марины Цветаевой. Это были времена перестройки, когда в городах Союза под эгидой *Общества книголюбов* начали проводить вечера, посвященные запрещенным или полузапрещенным доселе поэтам и писателям: Мандельштаму, Цветаевой, Булгакову, Волошину и многим другим.

Мы подружались, с Женей это было легко, он удивительно чутко относился к людям, принимая их увлечения как свои.

Так, почти в каждый мой приезд в Москву, он знакомил с людьми, которые могли помочь в моих изысканиях по Волошину. Благодаря Жене, я познакомился с Верой Марковой, вдовой художника Леонида Фейнберга, оставившего яркие воспоминания о Волошине; поэтом Львом Горнунгом, знавшем М.А.; дочкой художницы Н.В.Войтинской — автора известных литографических портретов Гумилева, Волошина и многих других представителей Серебряного века. Эти и многие другие встречи, организованные Женей, помогли мне и Владимиру Купченко в работе над публикациями о жизни и творчестве Волошина.

Как я мог отблагодарить Женю за его хлопоты, за потерянное со мной время — ведь Волошин не входил в круг его интересов? Помог случай.

Весной 1978 года [Музей истории Киева](#) устроил выставку моего собрания «Все о Максимилиане Волошине». К этому событию я получил в подарок от своего товарища, пушкинодомца Александра Васильевича Лаврова, доставшиеся ему в наследство от Виктора Андронниковича Мануйлова - литографии Гумилева, Волошина и Чуковского работы той же Надежды Войтинской. После выставки я передал литографию Чуковского своему старшему товарищу, специалисту по Чуковскому Мирону Семеновичу Петровскому, а Гумилева привез Жене. Надо было видеть его радость.

В 91-м году я эмигрировал и мы долго с Женей лично никак не пересекались. Какие-то весточки время от времени приходили от него, но упоминаний о новых работах в них не было. Это казалось несколько странным, так как время наступило и для публикаций о Гумилеве, а у Жени было наработано столько интереснейших и неизвестных дотолематериалов.

Только летом 2006 года все стало понятно. Я получил от Жени электронное письмо, в котором он описал безрадостные события, случившиеся с ним за эти годы: развод с женой, потеря квартиры, случайные работы никак не связанные ни с его специальностью физика, ни с изучением жизни и творчества Ахматовой и Гумилева. В это время уже существовал [Toronto Slavic Quarterly](#). Я рассказал Жене о журнале и пригласил участвовать в его работе. Я взял на себя смелость гарантировать публикацию каждой статьи, которые он пришлет. Я понимал, что с моей стороны это было авантюрой (ведь прошло столько времени), но ничего другого не оставалось — надо было вытаскивать друга из той ямы, в которую его загнало время.

Уже первый цикл [*Неакадемических комментариев*](#) Евгения Степанова привлек внимание специалистов, читателей журнала. Вскоре появился замысел книги [*Николай Гумилев. Поэт на войне*](#). Для нее был даже придуман специальный раздел в [*TSO - Книга в журнале*](#). Мы печатали эту книгу по главам несколько лет - пока не закончили. Через несколько лет книга вышла в издательстве *Прогресс.Плеяда* и была отмечена *Премией Александра Блока*.

Вот так состоялось возвращение Евгения Степанова к Гумилеву.
О последующих работах Жени написали его коллеги выше.

Нам всем будет его не хватать. Неосуществленных замыслов, улыбки.